

0938

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Сьюзен Мейер

РОМАНТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Сьюзен Мейер

Романтическая авантюра

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Мейер С.

Романтическая авантюра / С. Мейер — «Центрполиграф»,
2016 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08788-1

Школьный психолог Джинни Джонс была уверена, что ночь с принцем Ксавьеры Домиником – чудесное приключение, которое никогда не повторится. Узнав об ее беременности, принц предложил сочетаться браком, чтобы узаконить права ребенка на престол, и развестись через два года после его рождения. Хватит ли Джинни времени снова научиться доверять мужчинам и убедить Доминика, что короли могут жениться по любви?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08788-1

© Мейер С., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сьюзен Мейер

Романтическая авантюра

Linda Susan Meier

Pregnant with a Royal Baby!

© 2016 by Linda Susan Meier

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

* * *

Глава 1

Когда в дверь позвонили, Вирджиния Джонс как раз вышла из душа, смыв с себя часть усталости после насыщенного рабочего дня. Школа «Джефферсон Хай» в техасском городке Терра-Мас, где она работала психологом, стала последним пунктом американского турне Доминика Санчо – принца Ксавьеры, небольшого островного государства между Испанией и Алжиром. Вирджиния провела для него экскурсию по классам, представила учителей, затем проводила в актовый зал – читать школьникам лекцию.

Слушать принца ей понравилось, хотя и не так сильно, как смотреть на него. Высокий, широкоплечий, элегантный, Доминик держался с уверенностью и достоинством человека, рожденного править. Его темные глаза посмеивались над проделками детей, обаятельная улыбка казалась искренней.

Если бы взрослая женщина могла позволить себе сомлеть при виде мужчины, Вирджиния – или Джинни, как ее звали друзья, – опозорилась бы на весь город. Здравый смысл помог удержаться в профессиональных рамках, но она чувствовала себя измочаленной и меньше всего хотела принимать гостей.

Звонок прозвенел снова.

– Уже иду!

Увидев в глазок принца Доминика, она отскочила от двери как ошпаренная. Хотя королевские особы еще не заглядывали к ней в гости, Джинни была уверена, что принимать их в тренировочном костюме и с мокрой головой – дурной тон. Впрочем, выбора не было. Она растянула губы в улыбке и открыла.

– Я застал вас в неподходящий момент, – со смехом констатировал принц.

– К сожалению. Теперь вы решите, что все американцы – растрепы.

Сам Доминик, сменивший строгий костюм на легкий белый пуловер и джинсы, выглядел безупречно. Блестящие черные кудри лежали волосок к волоску, в темных глазах пряталось лукавое, заразительное веселье.

– Нет, я решу, что американцы знают толк в комфорте. – Теплая улыбка тронула красиво очерченные губы. – Можно войти?

Джинни сделала приглашающий жест, сохраняя спокойствие усилием воли. Порог ее дома перешагивал настоящий принц, сказочный во всех отношениях.

– Вообще-то я пришел пригласить вас на ужин, – сказал Доминик, пока она закрывала дверь. – В расчете, что по дороге вы покажете мне город.

Джинни еле сдержалась, чтобы не уставиться на него во все глаза. Она решила было, что Доминик зовет ее на свидание, но потом разглядела в его словах иную логику. Вероятно, ему понравилось, как она рассказывала о школе, и он счел ее самым подходящим кандидатом в экскурсоводы по городу.

– Или мы можем полететь в Лос-Анджелес и пройтись по ночным клубам.

Она все-таки невежливо уставилась на высокого гостя. Ничего себе. Принц действительно имел в виду свидание!

– Вы ходите в клубы?

– А вы нет? Не любите танцевать?

– Очень люблю.

– И я. – Доминик снова улыбнулся. – К сожалению, возможностей не так уж много. Обычно я делаю, что должен, а не что хочу. Пожалуйста, скажите, что составите мне компанию.

– С радостью.

Спешно готовясь к выходу, Джинни тщательно накрасилась и надела лучшее, что у нее было, – красное коктейльное платье. Принц и в джинсах выглядел готовым сниматься на обложку глянца, ей не хотелось заставлять его стыдиться спутницы.

После ужина в местном итальянском ресторанчике частный самолет действительно унес их в Лос-Анджелес. Когда Джинни и Доминик, натамцевавшись, отправились в обратный путь, часы показывали три утра. Джинни планировала распрощаться с его высочеством у подъезда своего дома, но после нескольких поцелуев в салоне лимузина пригласила его подняться в квартиру. Они занялись любовью, и Джинни призналась самой себе, что это лучший секс в ее жизни. Принц уехал, поцеловав ее на прощание, но чуть позже позвонил из отеля.

– Мне жаль, что мы больше никогда не увидимся.

– Мне тоже.

На самом деле Джинни не о чем было жалеть. Она провела с настоящим принцем волшебную ночь, которая останется в памяти навсегда. Без всякихотячающих обстоятельств. Джинни не касалось, хорошим королем он станет или плохим, есть ли у него противные бытовые привычки или склонность снимать стресс алкоголем, как это делал ее отец. Она не хотела знать, что Доминик представляет собой как человек.

Только одна незабываемая ночь, которая никогда не обернется горьким раскаянием или переживаниями на тему совместного будущего. Джинни предпочитала эту модель отношений любой другой.

Джинни не сразу осознала, что Доминик звонил со своего мобильного, а значит, в памяти телефона остался его номер. Ей понравилось ощущение, что связь между ними не прервалась, даже если она никогда не соберется с духом ему позвонить. Зато сможет посмотреть на имя Доминика в списке контактов и для разнообразия думать о чем-то хорошем. Плохого в ее жизни было уже достаточно.

Следующие несколько недель Джинни исправно ходила на работу, словно бы укутанная облаком счастливых воспоминаний. Сладкая тайна грела ее изнутри. Но однажды утром она поняла, что критические дни не просто задержались, а вообще не намерены наступать. В этот момент Джинни стало ясно, что судьба не просто так оставила ей возможность связаться с Домиником.

– Слава богу, что я не стал королем Великобритании. Они там до сих пор в глубине души считают, что невеста наследника непременно должна быть девственницей.

Доминик с трудом справлялся со злостью, которая грозила захлестнуть его. Он был идеальным принцем почти тридцать лет, но приключения в Америке хватило, чтобы обесценить былые заслуги. Негодующий отец мог бы проявить больше понимания и не сыпать лишнюю соль на раны, учитывая, что Доминику и так предстояло заплатить за один необдуманный поступок радикальной сменой жизненных планов. Ребенок королевской крови не мог расти сам по себе где-то на задворках Техаса. Необходимость обеспечить ему достойное воспитание и безопасность требовала, чтобы Доминик женился на симпатичной, но почти незнакомой женщине по имени Джинни Джонс.

– Вот уж действительно, слава богу, что мне позволено жениться на матери моего ребенка.

– Я высказался в ироническом ключе. – Король Ксавьеры, невысокий, полный, рано облысевший, придерживался строгих правил. Он был нетерпим к ошибкам, проявлениям небрежности и легкомыслия, особенно когда дело касалось старшего сына.

– А я – в саркастическом. – Доминик редко возражал отцу. Он мог вспомнить не больше пяти случаев неповиновения за всю жизнь. Но известие о беременности случайной подруги на одну ночь переполнило чашу сыновней почтительности. Отец прощал младшему сыну раз-

гульный образ жизни, которым тот был печально знаменит, а старшего пытался съесть живьем за единственную интрижку.

– Сотрудники службы протокола готовы встретиться с тобой и мисс Джонс завтра утром. – Король Рональдо поймал взгляд наследника. – Подготовь свою невесту. И постарайся не оскандалиться со свадьбой. Я буду очень разочарован, если ты сделаешь еще какую-нибудь глупость.

Доминик склонил голову и вышел в коридор, стиснув зубы. Он не привык, чтобы с ним говорили как с неудачником, который ломает все, к чему прикасается. С другой стороны, он не мог отрицать, что заслужил недовольство отца.

Идея женитьба всегда вызывала у Доминика противоречивые чувства. После смерти его матери отец долго горевал, а потом стал таким сухим и строгим, что принц решил по возможности не вступать в брак. Или жениться по расчету на принцессе другого маленького государства, с которым у Ксавьеры испокон веков были напряженные отношения. Это позволило бы похоронить старую вражду, давно утратившую смысл, и произвести на свет наследника двух корон в брачном союзе без лишних эмоциональных составляющих. Такие отношения могли сложиться весьма удачно, но в то же время не грозили поселить в его сердце страх потери, подобной той, что едва не уничтожила отца.

А теперь все рациональные планы Доминика пошли прахом из-за шалости, которую он себе позволил. Еще раз скрипнув зубами, принц медленно поплелся к лестнице, ведущей в его личные покои. Ему хотелось оттянуть момент разговора с Джинни. Если его почти врожденная привычка повиноваться протоколу давала трещины под напором ярости, сложно было представить, как себя чувствует женщина, втянутая во все это так внезапно...

Если только Джинни не забеременела сознательно.

От чудовищности этой мысли кровь в жилах Доминика заледенела. Он велел себе успокоиться и включить голову. Чтобы намеренно провернуть такой фокус, ей пришлось бы подстроить статистически невозможное совпадение слишком многих обстоятельств. Начать хотя бы с того, что тем вечером принц сам решил нанести ей визит, а она встретила его с влажной головой, в домашней одежде. Было совершенно очевидно, что Джинни Джонс не искала с ним встречи.

Поднявшись на верхний этаж королевского дворца Ксавьеры, Доминик направился к массивным дверям, украшенным богатой резьбой. Холл перед его апартаментами напоминал зал музея – минимум мебели и шедевры живописи на стенах. Скрытые сокровища, призванные услаждать только его взгляд. Такой была вся жизнь Доминика – особенной, привилегированной. На нем словно бы лежала печать, выделяющая его среди других как человека, который должен стать королем.

Как только Доминик открыл тяжелые двери, за которыми скрывалась его личная тихая гавань, Вирджиния Джонс вскочила с мягкого кресла. Природа создала ее по мотивам мужских фантазий – невысокая, с длинными золотистыми волосами и телом, которое вызывало у представителей сильного пола горячее желание делать глупости. Встретив взгляд ее ярких голубых глаз, Доминик вспомнил, как очаровательно она смотрелась в техасской школе, окруженная учениками. Затем в памяти всплыло красное платье, которое так шло Джинни, что Доминик потерял голову. Он был готов на любые романтические жесты и героические подвиги, чтобы закончить свидание в одной постели. Секс с ней превзошел все его ожидания.

Эротические видения туманили разум Доминика каждый раз, когда он смотрел на Джинни. Странно было думать, что это обстоятельство вот-вот превратит ее в принцессу.

– Король и народ желают, чтобы мы поженились.

– Желают?

В гостиной восточные ковры не позволяли чувствовать холод мраморного пола. Красные подушки на белых диванах у камина добавляли комнате цвета. Указав Джинни на кресло, принц прошел к бару и подтянул к себе бутылку виски.

– Выпьешь со мной?

– Я беременна.

– Да, точно. – Принц поморщился и озадаченно вздохнул. – Налить тебе апельсинового сока?

– Ничего не нужно, спасибо. Хотелось бы поскорее узнать, что будет дальше с моей жизнью, а не притворяться, что я зашла к тебе попить чаю.

Доминик не имел ни малейшего понятия, как толковать ее настроение. А что делать, если жизнь загнала его в ситуацию, требующую быстро сблизиться с незнакомым человеком? Джинни могла оказаться кем угодно – злой ведьмой, патологической лгуньей или, наоборот, идеалисткой и спасительницей котиков. Кем бы она ни была, Доминику придется с этим мириться.

– Хорошо. – Он сел в кресло напротив и поставил стакан виски на стеклянный столик. – Может, уместнее было бы сказать, что обстоятельства требуют свадьбы.

– И у меня нет выбора?

– Нет. Твой ребенок – второй в очереди на престол Ксавьеры. Если ты откажешься выйти за меня замуж, мы будем вынуждены его у тебя забрать.

– Что?!!

– Американское правительство ничем тебе не поможет. Ни одна страна в мире не пойдет против наших законов в деле, касающемся королевской семьи.

– Это несправедливо! – Джинни вскочила.

Доминик не мог отвести взгляд от ее длинных ног. Джинни была одета в джинсы и уютный свитер, но воображение принца все еще рисовало ему красное платье.

– Подав в суд, ты только зря потратишь время. Не говоря уже о том, что похоронишь вариант с женитьбой и вызовешь нездоровый интерес к нашей ситуации. Тогда рождение ребенка станет не праздником, а поводом для грязных сплетен.

Джинни, мерившая шагами комнату, остановилась и задумалась. Принц поспешил воспользоваться моментом.

– Тебе не победить. Единственное, чего ты добьешься, – это превратишь жизнь нашего ребенка в хаос. Я могу предложить план получше.

* * *

Джинни внимательно посмотрела на красивого мужчину в кресле у камина. Перед ней сидел стопроцентный принц, будущий правитель, чье привилегированное положение позволяло смотреть на обычных людей сверху вниз. Решая, как она будет жить дальше, он преспокойно потягивал виски.

– Я рада, что у тебя есть план. Поделишься?

– Отец хочет, чтобы наследник родился в законном браке. Подданные тоже. Но это не значит, что мы должны оставаться женатыми дольше, чем нужно, чтобы утихли ненужные разговоры.

– Мы сможем развестись? – Джинни со вздохом облегчения уселась обратно в кресло.

– Конечно. Но некоторое время нам придется играть соответствующие роли. Завтра или послезавтра служба протокола приступит к организации свадьбы, а мы с тобой начнем выходить в народ.

Сердце молодой женщины дрогнуло, когда Доминик произнес слово «свадьба». Неужели она собралась замуж за парня, который однажды станет королем? И предусматривает ли дого-

воренность занятия сексом? Возможно, на данный момент их отношения слегка натянуты, но Джинни все еще с удовольствием вспоминала первое и единственное свидание.

– На следующей неделе мы объявим о помолвке, назовем дату бракосочетания. И тогда же расскажем о твоей беременности.

– Мамочки. – По мнению Джинни, это не обещало приятного времяпрепровождения.

– Не волнуйся. Жители Ксавьеры мечтали женить меня с тех пор, как я родился. Но если что-то может обрадовать их больше, чем королевская свадьба, – это ожидание наследника.

– Хорошо. – Нервы Джинни звенели, но она сопротивлялась желанию снова вскочить с кресла. Если Доминик сохранял олимпийское спокойствие, то и она могла. К тому же пока его рассуждения выглядели разумными. Ей было даже приятно думать, что появление ее ребенка на свет порадует столько людей.

– Мы поженимся через месяц, а в оставшееся до родов время будем появляться на публике в качестве счастливой пары, которая с нетерпением ждет первенца.

Джинни казалось, что это вполне осуществимо.

– Мы должны оставаться вместе, пока ребенку не исполнится два года. После церемонии, посвященной его включению в порядок престолонаследования, пресса оставит нас в покое, мы сможем развестись без лишнего шума. Если потребуется, признаем, что поторопились или поженились только из-за ребенка. Но необходимо сделать вид, что мы пытались спасти брак. Достойное и спокойное поведение обеспечит нам всеобщую поддержку.

– С кем ребенок останется после развода?

– Если захочешь вернуться с ним в Америку, королевская семья подберет для вас дом и обеспечит охрану.

– А что с моей работой?

– Твоя работа – воспитывать наследника трона Ксавьеры. По крайней мере, первые двенадцать лет. До этого возраста он или она будет на домашнем обучении, потом отправится в частную школу-интернат. Дальше можешь распоряжаться своей жизнью, как считаешь нужным. Правда, тебе придется сопровождать его на публичных мероприятиях. Я дам на размышление неделю, которую ты проведешь во дворце. И надо будет сходить на пару свиданий, чтобы люди видели нас вместе.

Их глаза встретились. Каким бы фантастическим ни было предыдущее свидание, оно завело обоих в большие неприятности.

– У меня еще остались вопросы, – сказала Джинни.

– Например, надо ли нам целоваться? – Доминик на секунду призадумался. – Думаю, да. Мы должны убедить всех, что свели друг друга с ума с первой встречи. Что, в общем-то, и произошло на самом деле.

В памяти Джинни они снова держались за руки, целовались, сжимали друг друга в объятиях, касаясь самых потаенных мест. Ее пульс ускорился, сердце сжалось.

– А вот секс можно опустить. – Доминик улыбнулся. – Если ты в нем не заинтересована.

Джинни постаралась придумать, как сопротивляться этой улыбке. Хотя от нее не ускользнуло, что принц провел всю беседу с выключенным обаянием и включил его только в подходящий, по его мнению, момент. В ночи с незнакомцем королевских кровей крылось свое очарование, но брак с ним же мог оказаться куда менее сказочным опытом. А что, если Доминик похож на ее отца? Тот тоже умел производить приятное впечатление, когда видел в этом выгоду.

– Наши отношения могут развиваться в любом направлении, которое ты сочтешь приемлемым. – Доминик снова закрылся броней респектабельности и стоицизма. – За стенами дворца нам позволено спать вместе или не встречаться вообще. Но не забывай, что все это временно. Не обольщайся, не привыкай. Я намерен жениться на принцессе, чтобы заключить выгодный для Ксавьеры договор. В моем мире брак считается успешным, только если помогает решать политические вопросы.

Глава 2

Облокотившись на подушки, Джинни полулежала на кровати в спальне своих апартаментов. Шелковые простыни приятно охладили спину. Глаз отдыхал на прозрачно-голубой отделке стен, которая несколько оживляла чересчур монументальный интерьер.

– Значит, ты выходишь замуж, потому что это удобно королевской семье? – уточнил голос мамы в телефонной трубке. – Очень странная история.

– Я знаю, мам. Но наш с Домиником ребенок будет привлекать к себе внимание всю жизнь. Слишком эгоистично окружать его скандалами с самого рождения.

– Ты права.

– К тому же я начинаю думать, что это хорошо и для меня тоже. Конечно, меня смущает, что я совсем не знаю Доминика. Он подтвердил это сегодня, рассказав о своем отношении к браку. А когда мы только познакомились, я решила, что встретила настоящего принца на белом коне, таким он был милым.

– Они все милые, пока ухаживают. Плохое вылезает, как только начинаешь с ними жить.

Джинни поморщилась. Хотя обаяние принца напоминало ей об отце, она считала сравнение несправедливым. Ее отец был злым человеком, склонным к эмоциональному насилию. Доминик держался с ней формально, даже холодно, но с учетом положения, в котором они оказались, делать выводы было рано.

– Доминик не кажется мне плохим человеком, мама. Просто он не тот авантюрный парень, с которым я встретила в Техасе. И знаешь что? В глубине души я тоже не та кокетливая девушка с искорками в глазах, какой была той ночью. Тогда мы хотели только расслабиться и весело провести время, но беременность – совсем из другой оперы, поэтому Доминик относится ко всему так серьезно.

– Вероятно, ты снова права.

– Да, но я все равно не знаю, что делать.

– Судя по тому, что ты рассказала, – выходить за него замуж. Сколько твоего времени ему нужно – год или полтора?

– Примерно два с половиной. И я должна буду отказаться от карьеры. Насколько я поняла, воспитание наследника престола несовместимо с трудоустройством.

Мама засмеялась.

– Милая, даже если бы твой ребенок не принадлежал к королевской семье, он все равно стал бы для тебя важнее работы. Мне кажется, нет такой уж большой разницы – рожать от принца или простолюдина.

– Необходимость общаться с прессой, – подсказала Джинни. – Частная школа-интернат с двенадцати лет. Жизнь во дворце.

– Дворец я не учла. Но все ведь уже решено, Джинни.

– Полагаю, что так.

– Тогда что тебя беспокоит?

– Я не уверена, что смогу с этим справиться. А Доминик дал на размышление всего неделю. Он сказал, нам придется показываться вместе на людях. Вот черт!

– Что случилось?

– Я привезла джинсы, футболки и одно пляжное платье. – Джинни уронила голову на руки. – Самое то для свидания с принцем на глазах его подданных.

– Твоя одежда в порядке. Ты тоже.

– Да уж. – Она не сказала матери о перспективе целовать Доминика или, возможно, делить с ним постель. Но даже обрывочный разговор о свадьбе с малознакомым мужчиной и

переменах, связанных с рождением ребенка, напугал ее до смерти. Оставалось признать, что в ее мыслях, как и в жизни, воцарился крошечный бардак.

Осторожный стук в дверь заставил Джинни отлепить голову от подушки.

– Кто там?

– Это я, Доминик. Отец хочет, чтобы я представил ему тебя сегодня за ужином.

– Мам, мне пора, – прошептала Джинни в трубку и скатилась с кровати. – Конечно. Во сколько?

– В семь. Ужин полупоформальный.

Это не принесло Джинни облегчения, поскольку в ее распоряжении не было ничего даже отдаленно формального. Она переключилась на размышления: стучался ли принц в выделенные ей апартаменты прежде, чем прошел прямо к дверям спальни. Она ничего не слышала. Комнаты были настолько огромными, а потолки – такими высокими, что звуки или отдавались эхом, или терялись без следа. Джинни надеялась, что дело в акустике, а не в том, что Доминик считал себя вправе вторгаться в ее личное пространство.

– Я взял на себя смелость подобрать тебе несколько вещей, которые могут пригодиться, – сказал он из-за двери.

Гордость почти заставила Джинни ответить, что ей ничего не нужно, но взгляд вниз на джинсы и быстрая мысленная инспекция содержимого чемодана подсказали, что начинать учиться жить по чужим правилам придется прямо сейчас.

– Ты прав. У меня нет ничего подходящего для встречи с королем. – Открыв дверь, она пропустила в комнату четырех слуг, нагруженных пакетами, коробками и платьями на вешалках. – Боже мой.

– Даже если ты не согласишься выйти за меня, неделя во дворце потребует много разной одежды, – сказал Доминик, который замыкал парад.

Джинни удивилась, что принц так спокойно говорит об этом перед прислугой, но ни один из четырех мужчин даже бровью не повел. Персонал во дворце был вышколен на славу.

– Мне придется потрудиться, чтобы выглядеть хотя бы полупоформально.

– Я пришлю к тебе парикмахера, маникюршу и массажистку.

– А массажистка мне зачем?

– Если бы ты знала больше о моем отце, ты бы не упускала возможности достичь максимального душевного равновесия перед встречей с ним.

Джинни ограничилась прической и маникюром, но за десять минут до выхода начала жалеть, что отказалась от массажа. После него ей было бы легче смириться с тем, как она выглядит в мешковатом голубом платье и старомодных туфлях. Зачесанные наверх волосы сделали бы честь любой моднице не моложе семидесяти лет.

Доминик ждал невесту в гостиной. В отличие от ее уродливого наряда с чужого плеча, смокинг принца явно шили по мерке. Рядом с ним – красивым, элегантным, царственным – Джинни еще сильнее ощутила, что похожа на старую перечницу.

– Прекрасно выглядишь, – сказал он с улыбкой.

– Дай мне шляпку и маленькую сумочку, и меня можно будет спутать с Елизаветой II.

– Ты преувеличиваешь.

– Ну, я на сто процентов уверена, что сейчас во мне трудно опознать двадцатипятилетнего психолога из школы в Техасе.

– Поверь мне, ничто не защитит тебя от критики моего отца лучше, чем образ респектабельной старушки.

Доминик взял Джинни под локоть и повел из апартаментов в холл. Скользнув взглядом по стенам, она не смогла сдержать восхищение.

– У тебя впечатляющая коллекция живописи.

– Принадлежать к королевской семье не так уж плохо.

– Мне пока трудно об этом судить. – Джин-ни поправила слишком просторное платье, которое топорщилось на бедрах. – Кто выбирал эту одежду?

– Я, – признался принц. – Вижу, что ошибся с размером. Но с точки зрения протокола, свободные вещи уместнее, чем обтягивающие.

– Ты не мог выбрать что-нибудь красное?

– Голубое больше подходит твоим глазам. Кроме того, красное напоминало бы мне о той ночи.

– Да неужели? – Джинни заулыбалась, ощутив прилив благодарного умиления.

– Ты была необыкновенно красива.

– Если бы ты не смотрел строго вперед, как на военном параде, это могло бы прозвучать романтично.

– Романтика создала нам уже достаточно проблем. Больше мы не хотим.

Джинни засмеялась, счастливая оттого, что понравилась настоящему принцу. Во всяком случае, внешне. Такой комплимент дорогого стоил.

Стол, за которым могли бы расположиться сорок человек, был накрыт на четверых. Пожилой мужчина в строгом костюме с эмблемой королевского дома и молодой человек в смокинге поднялись им навстречу.

– Вирджиния Джонс, это король Рональдо Санчо и мой брат, принц Александрос. Мы зовем его Алекс.

Джинни на мгновение застыла в растерянности. Что ей полагается сделать – реверанс или поклон? Дьявол побери, почему она никогда не интересовалась этикетом? С другой стороны, зачем школьному психологу углубленные курсы поведения при дворе, если такие еще существуют? Она не предполагала когда-нибудь встретить принца, а тем более – короля. Вряд ли стоило чувствовать себя виноватой, если оказалась не готова к тому, с чем никогда раньше не сталкивалась.

– Если вы протянете руку, я ее пожму, – сказал король Рональдо слегка раздраженным тоном.

Во время рукопожатия Джинни внутренне ругала себя за то, что смазала первое впечатление. Легким нажатием на плечо Доминик повернул ее к своему брату, который улыбался. Такой же высокий и привлекательный, Алекс был более круглолицым, из-за чего выглядел добрее и мягче Доминика.

– Рад познакомиться с женщиной, которая охмурила этого зануду.

– В моем доме так не выражаются, – одернул младшего сына король.

– Ладно тебе, отец. – Алекс сел за стол и развернул салфетку. – Только здесь мы и можем говорить свободно. Ты станешь украшением семьи, Джинни, даже если Дом и дальше будет покупать тебе одежду на распродаже для бабушек.

– Я тебе говорила! – громко прошептала Вирджиния жениху.

Наследный принц почти позволил себе улыбку, но отец бросил на него недовольный взгляд, и лицо Доминика снова приобрело официальное выражение.

– Итак, мисс Джонс, – обратился к ней король, пока слуги расставляли закуски. – Расскажите нам о себе.

– Вы наверняка уже знаете, что я – школьный психолог. Помогаю детям определиться с выбором профессии. Моя мама посвятила жизнь преподаванию, и меня всегда восхищали ее отношения с учениками.

– А почему ты сама не преподаешь? – поинтересовался Алекс.

– Я хотела общаться со всеми ребятами в школе, а не только с теми, кого мне нужно было бы учить.

– Занятно, – пробормотал король.

Джинни показалось, что он несколько смягчился. Она немного расслабилась, но бросила взгляд на серебряные столовые приборы и ощутила на лбу холодный пот. Одних вилок было семь штук. Во имя всего святого, сколько блюд им собирались подать?

Вспомнив детскую считалочку, Джинни взяла вилку, которая лежала последней с дальнего края.

– Что еще мы должны о вас знать?

– Видите ли, ваше величество, насколько я понимаю, вы уже решили, что нам с Домиником следует пожениться. Но я еще не согласилась, так что, полагаю, это мне имеет смысл узнать больше о вашей семье.

Алекс засмеялся.

– Она мне нравится.

Остальным было не так весело. Король неодобрительно поджал губы, Доминик бросил на невесту укоризненный взгляд. Джинни благонравно улыбнулась и постаралась облечь свои мысли в более дипломатичную форму.

– Предложение вступить в вашу семью – огромная честь. Тем не менее, как говорят в Америке, нельзя покупать автомобиль, не постучав по колесам.

– Теперь мы – колеса. – Алекс радовался, как дитя.

– Ты бы предпочел сравнение с лошадьми, которым нужно посмотреть в зубы? – спросила Джинни, еще не готовая решить, нравится ей будущий деверь или нет.

Доминик тихо застонал.

– Ваше замечание справедливо, – неожиданно согласился король. – Что бы вы хотели знать?

– Обязательно ли мне все время одеваться подобным образом?

– Вы должны выглядеть респектабельно. – Король задержал взгляд на ее платье и поморщился. Наряд показался уродливым даже ему. – Если мы дадим вам свободу в выборе гардероба, вы сможете соблюсти это правило?

– Конечно, смогу.

– Также от вас требуется безупречное поведение на публике.

– Тоже не проблема, хотя мне понадобятся подсказки относительно протокола. – Джинни заметила, что его величество перехватил инициативу, и поспешила вернуть разговор в нужное ей русло. – Расскажите, каким Доминик был в детстве?

– Упрямым и своенравным, – сказал король.

– Тираном, – добавил Алекс.

– Все старшие братья тиранят младших, – отозвался Доминик. – Закон жизни.

Впервые с начала ужина Джинни почувствовала, что оказалась в кругу обычной семьи.

– Ты знаешь, что он согласился жениться на принцессе Греннадии, когда ему было всего двенадцать?

– Правда? – Джинни повернулась к жениху.

Их глаза встретились. На нее нахлынули воспоминания о проведенной вместе ночи – прикосновения, поцелуи, жаркий шепот, слияние тел и блаженный отдых в его объятиях. За эти несколько секунд Джинни увидела в Доминике не прекрасное приключение, обернувшееся проблемой, а реального человека – мужчину, с которым она занималась любовью, отца своего ребенка. Теперь она понимала, почему Доминик избегает смотреть на нее, особенно когда они наедине.

– Это было вскоре после смерти мамы, – сказал он. – Королевство находилось в трауре, из которого не могло выбраться. Мне показалось правильным сделать что-то полезное не только для внешней политики, но и для более позитивного настроения наших людей.

Джинни с восхищением и теплотой подумала о мальчике, который в двенадцать лет был достаточно взрослым, чтобы понимать свой долг и стараться его исполнить.

– А теперь на принцессе женят меня, – вздохнул Алекс.

– Как такое возможно?

– Мы не можем просто так отказаться от договора, условия которого исполнялись Гренадией двадцать лет, – сказал король. – Мы обещали жениха, и мы его предоставим.

– Ничего страшного. – Алекс хлопнул ладонью по скатерти. – Мы с принцессой как-нибудь устроимся, чтобы всем было удобно. Я стану изменять ей, она – мне. Мы запретим делать детям тесты ДНК, так что никто никогда не узнает, от кого они на самом деле.

– Еще раз напоминаю, Алекс, что я запретил тебе выражаться подобным образом. – Король волком посмотрел на младшего сына.

За столом повисла тишина. Доминик не сделал попытки защитить брата, а тот решил больше не испытывать отцовское терпение. Джинни старалась придумать вопрос, который отвлек бы их и увел разговор в безопасную сторону. Ей хотелось рассеять мрачное настроение, вызванное воспоминанием о покойной королеве, безутешных подданных и династических браках без любви.

Вместе с тем Джинни не могла не видеть человеческой подоплеки этой истории. Мужчина потерял жену и в одиночку воспитал сыновей. Старший вырос послушным, ответственным и обязательным, младший – бунтарем. Могли ли королевские привилегии уменьшить боль от потери близкого человека? Почему-то Джинни казалось, что в какой-то степени высокое положение делало ситуацию только хуже.

Доминик заполнил оставшееся время тихим обсуждением государственного бюджета. В конце ужина король Рональдо еще раз пожал Джинни руку – гораздо теплее, словно извинялся за не слишком радостную атмосферу. Или желал ей терпения вынести еще несколько лет таких же ужинов.

Джинни и Доминик проделали путь до его апартаментов в молчании. Все здесь – одежда, обстановка, манеры – было ей чуждым и непонятным. Джинни страстно желала очутиться дома.

– Завтра утром у нас назначена встреча с руководителем службы протокола, – сказал Доминик, когда они подошли к дверям.

– Отлично.

– Не позволяй моей семье напугать тебя.

Она повернулась к принцу, борясь с желанием сказать, что испытывает не страх, а сострадание. Джинни сумела компенсировать трудное детство, выстроив для себя новый мир, полный дружбы и смысла. Доминик, его отец и брат застряли в обстановке, не предполагавшей свободы воли или радикальных перемен.

Странное выражение в глазах Доминика не позволило Джинни высказать это вслух. Он не столько извинялся за родных, сколько выяснял, какое впечатление они на нее произвели. Он хотел, чтобы Джинни прониклась к ним симпатией, одобрила или хотя бы поняла их мировоззрение.

Джинни подошла к жениху, цокая по мраморному полу каблучками страшненьких туфель.

– Я привыкла к вечно недовольным отцам. Твой папа может быть слишком строгим, а брат – ветреным и дерзким, но я бы приплатила, чтобы у меня была такая семья.

– Ну конечно. – Доминик подавил смешок.

– Серьезно. Для того чтобы голова Алекса встала на место, ему нужна неделя домашнего ареста или разумный друг. Его величество потерял жену и был вынужден оплакивать ее на глазах посторонних. А ты просто стараешься стать тем, кем он хочет тебя видеть. Вообще-то вы нормальная семья. – Джинни говорила о том, по чему тосковала всю сознательную жизнь. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Доминик не знал, как толковать ее слова. Из доклада службы безопасности следовало, что отец Джинни умер. У нее были прекрасные отношения с матерью и миллиард друзей. Откуда же взялись грустные нотки в ее голосе и почему, черт возьми, она хотела иметь такую же семью, как у него?

Он сказал себе, что это не имеет значения. Но когда на следующий день Джинни пришла к нему завтракать, принца посетило озарение. Он увидел в ней не соблазнительницу в красном платье, а цветущую молодую американку, хранившую в своем прошлом что-то, что не сумели раскопать детективы. И это помогло Джинни без предубеждения отнестись к его сухому, застегнутому на все пуговицы отцу и порой невыносимому брату.

– Что будешь есть? – спросил Доминик, отодвигая для Джинни стул.

– Один из тех апельсинов. – Она показала на вазу с фруктами. – И тост.

– Это все?

– Я не голодна.

Пока Доминик давал служанке указания насчет тостов, Джинни выбрала апельсин и начала его чистить.

– Ты хорошо спала?

– Да.

– Помнишь, что у нас сегодня встреча со службой протокола?

– Ага.

Принц мысленно выругал себя. Королевская семья принуждала Джинни к не нужному ей браку, у нее не было никаких причин проявлять безудержное дружелюбие. Но молчание за столом тяготило его.

– Если решишь остаться и выйти за меня, мы привезем сюда твою маму не только на свадьбу, но и на время подготовки к ней.

– Моя мама все еще преподает. Она не может просто исчезнуть посреди учебного года.

– Ох.

– Ей пятьдесят. – Джинни оторвалась от апельсина и улыбнулась. – Слишком рано для пенсии.

К неудовольствию принца, разговор снова увял. В тишине Джинни вытащила газету из стопки мировой прессы, которую Доминику доставляли каждое утро, и погрузилась в чтение. Хотя он был рад, что его будущая жена – неглупая женщина, которая следит за происходящим в мире и вряд ли опозорит мужа невежеством, ему не понравилось, что Джинни прячется за газетой от необходимости поддерживать беседу.

После завтрака они прошли просторными коридорами на первый этаж, где располагались офисы службы протокола. Едва завидев Доминика, слуги почтительно склоняли голову. Он едва это замечал и не считал нужным комментировать, пока не заметил озадаченное выражение лица Джинни.

– Мне не по душе, когда они так делают. Но нельзя быть хорошим лидером, если люди, которыми ты руководишь, тебя не уважают. Поклоны – знак уважения и доверия.

– Интересно.

– Что это было – скепсис? – В голосе принца зазвучало раздражение. – Я сказал как есть.

– Ну хорошо, может, я неправильно подобрала слово. Я хотела сказать, что только начинаю воспринимать тебя как лидера. Мне пока странно, что твои подданные так к тебе относятся.

Доминик неприятно удивился, испытал облегчение, когда Джинни с ним согласилась. Но быстро убедил себя, что она тоже должна уважать его статус – по крайней мере, пока они будут женаты.

От длины коридора и обилия дверей у Джинни зарябило в глазах. Доминик улыбнулся.

– Впечатляет, я знаю.

Джинни кивнула. Все, что касалось королевской семьи, было больше, лучше, грандиознее, чем она могла вообразить. Никогда раньше ей не приходилось так отчетливо ощущать себя простолюдинкой. Пусть Доминик и его брат препирались с отцом в том же ключе, что нормальные взрослые дети с придирчивыми родителями, Джинни не стоило забывать, насколько они богаты и влиятельны. Жизнь не подготовила ее даже к случайной встрече с такими людьми, не говоря уже о браке с одним из них.

Доминик тронул ее за локоть, указывая путь, и по руке Джинни побежали вверх сладкие мурашки. Она не знала, что тревожит ее сильнее – влечение к принцу или симпатия, которую неожиданно вызвали его родные. Оба чувства могли втравить Джинни в серьезные неприятности. Накануне ей не стоило признаваться Доминику в желании иметь такую семью, как у него. Она видела, что ему стало любопытно. Холодность Джинни за завтраком объяснялась желанием отбить у него охоту к расспросам, но принц имел полное право интересоваться ее прошлым и собирался им воспользоваться, в этом она не сомневалась. Но сначала ей самой нужно было ответить на вопрос: как объяснить нюансы жизни под одной крышей с вором, лжецом и алкоголиком кому-то, кто вырос среди порядка и красоты?

Главой службы протокола оказалась невысокая пожилая женщина с зелеными глазами, которые озаарились радостью, как только Доминик и Джинни вошли в кабинет.

– Принц Доминик! Вас уже можно поздравить с будущим малышом?

– Спасибо, – сказал Доминик. – Вирджиния, познакомься с Салли Петерсон.

Впервые с приезда Джинни в Ксавьеру кто-то посчитал ее беременность счастливой новостью или вспомнил, что для начала она ждет ребенка, а уже потом – наследника престола. Сердце молодой женщины наполнилось теплом, и она выбросила из головы никчемного папашу, тяжелое прошлое, неподобающее воспитание и необходимость однажды выложить все это Доминику.

– Поздравляю с помолвкой. – Глава службы протокола повернулась к Джинни с улыбкой, не коснувшейся глаз: – Добро пожаловать в наш дом.

Джинни с трудом удержалась, чтобы не сделать реверанс, и загнала поглубже ощущение, что пожилая дама находит ее неподходящей партией для принца.

– Спасибо. Но я еще ничего не решила насчет свадьбы.

– Поскольку Вирджиния все еще сомневается, я подумал, ты сможешь лучше объяснить ей, почему нам лучше пожениться, – поспешил вмешаться Доминик, как только они с Джинни уселись в кресла.

– Хорошо. – Салли сложила руки на столе. – Поскольку твой ребенок станет правителем Ксавьеры, ни один суд в мире не откажет нам в праве воспитать его, как мы считаем нужным. Это предполагает четыре варианта развития событий. Первый: ты выходишь за Дома. Второй: ты не выходишь за Дома, но остаешься жить во дворце. Третий: ты возвращаешься в Америку и живешь там с ребенком в окружении людей, которых выберем мы. Четвертый: ты отказываешься от родительских прав. – Ее голос чуть смягчился. – Я уверена, что последний вариант тебе не подходит. Если ты поселишься во дворце, не будучи женой Дома, то сделаешь его посмешищем и мишенью для пересудов.

Джинни еще не успела задуматься, какие последствия вся эта история может иметь для Доминика. Слова Салли заставили ее поежиться. Может, она и не знала принца как следует, но не хотела настолько осложнить его жизнь.

– А что будет, если я дам согласие на брак?

– Нам придется поспешить, чтобы сообщить о твоей беременности раньше, чем домыслы и сплетни омрачат свадьбу. Мы должны опередить желтую прессу.

Доминик улыбнулся, перехватив взгляд Джинни. Она опять поймала мимолетное отражение парня, с которым сбежала бог знает куда в ту памятную ночь. Но даже в качестве сухого

и сдержанного незнакомца он оставался отцом ее ребенка, и его точку зрения следовало принимать во внимание.

– Подумай еще и о том, какое влияние ты приобретешь, став женой Дома. У тебя появится возможность использовать свой статус для продвижения благотворительных проектов. Как человек из сферы образования, ты сможешь помогать беспризорным детям или строить школы в любом уголке мира, где их не хватает.

– Ой. – О том, что в ее власти будет хоть немного изменить к лучшему целый мир, Джинни тоже еще не думала. – Это было бы здорово.

– Кроме того, королевские свадьбы фантастичны, – добавила Салли со смешком. – Свадебное платье сошьет дизайнер, которого ты выберешь. Деньги – не проблема. У нас в гостях соберется весь цвет политической и всякой прочей элиты. Познакомишься со своим президентом.

– Вы пригласите президента США?

– Да. И он подтвердил, что придет. Наша королевская семья всегда занимала важное положение благодаря контролю за водными путями. А в новой истории месторождения нефти обеспечили нам место в ОПЕК.

Джинни было непросто уложить в голове даже то, что Доминик принадлежал к королевскому роду. А теперь ей говорили, что его маленькая и незначительная на первый взгляд страна считалась серьезным игроком в международной политике?

Доминик незаметно взял невесту за руку – зацепил ее мизинец своим, соединив их в замочек. Однажды он уже делал так по дороге в лос-анджелесский ночной клуб. Милый детский жест, от которого у нее сжалось сердце и сбилось дыхание. Принц почувствовал, что Джинни тонет во всей этой информации, и дал ей знать, что готов прийти на помощь. Черт, парень умел быть очаровательным.

– Однако, как я уже говорила, у тебя есть выбор, – продолжила Салли. – Насколько мне известно, вы с Домиником собираетесь развестись через два года после рождения малыша?

– Да, – тихо сказал принц.

Тронувший Джинни чуть ли не до слез жест Доминика внезапно показался пустым и бессмысленным. Нет нужды сближаться, достаточно добрых приятельских отношений. Она отдернула руку.

– После развода я смогу вернуться в Америку?

– Если после нескольких лет всемирной известности и способности влиять на жизни многих людей тебе этого захочется, – да.

Чем сильнее Салли упирала на то, что замужество – наилучший выход из ситуации, тем больше Джинни казалось, что в словах пожилой женщины кроется подвох.

– И мне позволят взять ребенка с собой?

– Да. Тебе понадобится охрана и преподаватели для домашнего обучения, если ты не найдешь частную школу, которая ответит нашим требованиям. Но вам придется прилетать на каждую церемонию и торжественный обед, проводить здесь каникулы. Будет гораздо проще, если наш будущий правитель вырастет в стране, которую ему предстоит возглавить.

– Ребенок должен получить королевское воспитание, – вмешался Доминик. – Никто не станет лишать его детства, но ему необходимо как можно раньше понять, что власть – это в первую очередь ответственность. Хотя монархи и президенты – тоже люди, это не оправдывает их, когда страдают обычные граждане.

Под взглядом его темных глаз Джинни вспомнила, что покорило ее в день встречи. Доминик умел подобрать верные слова. Даже если это было лишь вольной интерпретацией правды – как вчера, когда он позволил ей поверить, что она сможет забрать ребенка в Америку. При этом Джинни не могла обвинить Доминика в обмане. Вариант существовал, но был связан с таким количеством трудностей и неудобств, что никуда не годился.

Джинни не могла решить, что это было – откровенная манипуляция или убеждение, что она выберет лучшее для своего малыша. В любом случае шахматный ход принца снова напомнил ей об отце, отчего желудок завязался в узел.

– Я немного устала. – Она поднялась. – Мне хотелось бы вернуться в мою комнату.

– Конечно. – Доминик вскочил как ужаленный.

– Я была бы очень признательна за помощь с этикетом, – сказала Джинни, повернувшись к Салли. – Я знаю основы, но детали находятся далеко за пределами компетенции школьного психолога. Даже если я решу не выходить за Доминика, мне предстоит провести здесь еще неделю. Не хочется поставить его в неловкое положение.

– Я дам указания. – Салли схватила за календарь.

– Просто скажите мне, куда и когда подойти.

Доминик рассмеялся.

– Учителя придут в наши апартаменты в то время, которое ты назначишь. Ты не просто гостя, ты – будущая мать принца. Мы хотим, чтобы тебе было удобно.

Джинни старалась не позволить ему умаслить себя улыбками и подчеркнутой заботой. Ее отец замечательно умел очаровывать людей, когда хотел от них чего-то добиться. Она ни в коем случае не сравнивала двух мужчин, но и закрывать глаза на факты не собиралась. Доминик не сказал ей всей правды. С другой стороны, к такой форме общения Джинни привыкла. К сожалению, жизнь снабдила ее большим опытом борьбы с любителями привирать и недоговаривать. Как она могла всерьез размышлять о браке с искусным манипулятором?

Глава 3

Доминику пришлось бежать, чтобы догнать Джинни в коридоре.

– Почему у тебя такой вид, словно Салли сказала что-то обидное?

– Я обиделась не на Салли. Вчера ты убедил меня, что я смогу уехать домой.

– Ты сможешь.

– Если захочу воспитывать ребенка на самолетах, летающих из Техаса в Ксавьеру и обратно.

Не дожидаясь ответа, она вошла в лифт и нажала кнопку. Доминик едва успел нырнуть в закрывающиеся двери.

– Прости, если правда показалась тебе неприятной.

– Ложная надежда – вот что неприятно. – Джинни сердито ткнула его пальцем в грудь. – Ты заранее знал, что я не соглашусь мучить ребенка бесконечными переездами. Но это не помешало тебе сделать вид, что вариант с моим возвращением в Америку осуществим.

– А что я должен был сказать? – Принц поймал ее палец. – Что тебе лучше не возвращаться домой?

– Да! Мне двадцать пять лет, и я три года разговаривала по душам с сотнями детей. Я способна переварить любую информацию!

Двери лифта распахнулись, и Джинни резво зашагала к двойным дверям в глубине холла. Принцу снова пришлось ее догонять.

– Прости, что не обрушил на тебя все сразу, как только ты перешагнула порог, а ждал, пока отдохнешь с дороги! Все опции, которые я обрисовал вчера, реальны. Если какие-то из них тебе не подходят, это не моя вина.

Джинни выдохнула. По тому, как менялось выражение ее голубых глаз, Доминик понял, что она услышала голос разума.

– Ты меня прости. Мой отец был безнадёжным алкоголиком, который постоянно врал, и я никак не могу избавиться от ощущения, что мужчинам верить нельзя.

– Ничего страшного. Мне тоже трудно доверять людям.

Принц жестом предложил невесте сесть и продолжить разговор, но она покачала головой:

– Я правда очень устала.

Даже человек, которого не готовили в дипломаты, понял бы, что Джинни неудобно говорить о своем прошлом. А кто бы на ее месте захотел лишний раз вспоминать отца, чье пьянство со всей очевидностью делало жизнь близких невыносимой? По крайней мере, теперь Доминику стал ясен смысл слов Джинни о желании расти в такой семье, как у него.

– Еще я не успел рассказать, что юристы составляют договор, определяющий наши права и обязанности по отношению к друг другу и ребенку.

Она ненадолго задумалась.

– Пожалуй, в данном случае идея брачного контракта мне нравится.

– Ты сможешь проконсультироваться с юристом прежде, чем поставишь свою подпись. Это случится только в день свадьбы, времени достаточно. Джинни, никто здесь не хочет тебя обмануть. – Доминик был рад, что она успокоилась, но ее усталый, измученный вид внушал тревогу. – А теперь иди отдыхать. У нас впереди еще неделя, чтобы все как следует обсудить.

Доминик терпеливо ждал, пока Джинни сама решит, что выпалась и восстановила силы. Она вышла из своих комнат только к обеду.

– На сегодня у нас запланировано свидание в кофейне, – сказал он, радуясь, что Джинни чувствует себя лучше.

– Тогда пришли кого-нибудь помочь мне с одеждой. Я не могу показаться на людях ни в чем из того, что ты подобрал вчера.

– Хорошо. После обеда попрошу кого-нибудь из ателье зайти к тебе.

Кивнув в знак благодарности, Джинни посмотрела на поставленное перед ней блюдо и откинулась в кресле, словно хотела оказаться от него подальше.

– Что-то не так?

– Мне не хочется есть. Может быть, попробую какое-нибудь пирожное в кофейне.

Доминик со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы. Джинни больше не сердилась из-за вчерашнего недоразумения, после долгого отдыха у нее не было повода жаловаться на усталость, зато она начала отказываться от еды. Принц предполагал, что безумная ситуация, в которой они оказались, способна на время лишить женщину аппетита, хотя, говоря по правде, перспектива выйти за него замуж не казалась ему такой уж чудовищной. В распоряжении Джинни было все, что она хотя бы теоретически могла пожелать, а она желала морить себя голодом без видимых причин.

– Апельсин за завтраком и пирожное на обед? Джинни, тебе необходимо съесть что-то еще. Закажи все, что сочтешь нужным.

Она снова кивнула, и Доминик почувствовал себя немного лучше. Он старался не допускать мысли, что Джинни противно есть с ним за одним столом.

После консультации с портными из дворцового ателье, часа ожидания заказанной одежды и часа, который Джинни потратила на свой туалет, они покинули дворец на личном «мерседесе» принца. К ее удивлению, он сам сел за руль.

– Разве нам не нужны телохранители?

– Они едут за нами. Было бы странно приглашать их принять участие в нашем свидании.

– Вот как?

Доминик делал вид, что его не тревожат односложные ответы Джинни, но беспокойство нарастало. Она ничего не ела в его присутствии, не хотела с ним разговаривать. Неужели он ошибся, полагая, что убедил Джинни смириться с происходящим? Или идея «выйти замуж за принца» оказалась непосильной для ее душевного равновесия?

– Ты же понимаешь, что на свидании в кофейне от тебя потребуется больше, чем одно слово на каждую мою реплику.

– Да.

Принц заскрежетал зубами.

– Мы могли бы начать разговор сейчас, чтобы выйти из машины погруженными в занимательную беседу, как нормальные люди.

– Я-то знаю, как быть нормальной. Это ты едешь пить кофе в белой рубашке.

– Я принц, и должен выглядеть соответственно.

– А еще ты – мужчина, собравшийся на свидание с женщиной, которая тебе, предположительно, нравится. Значит, с ней ты чувствуешь себя комфортно. Белая рубашка – нечто противоположное понятию «комфорт».

– Предлагаешь мне тоже натянуть драные джинсы?

– Шутишь? – Джинни засмеялась. – На свете нет ничего уютнее драных джинсов.

– Тогда мы оба выглядели бы так, словно решили на досуге покопаться в помойке.

– Я выгляжу как американская девушка на свидании с принцем, которого встретила совсем недавно. Мой гардероб отражает статус отношений. Чем серьезнее намерения, тем строже одежда.

– Пожалуй, это имеет смысл, пусть даже странный. Только не смейся над моей рубашкой прилюдно, хорошо?

Он припарковался на набережной, вышел под яркое средиземноморское солнце и открыл дверь автомобиля для Джинни. Папарацци, преследовавшие их всю дорогу от дворца, начали

снимать, как только она ступила на тротуар. В узких синих джинсах, синей футболке, сандалиях и больших темных очках Джинни смотрелась очень органично возле маленького кафе у входа на пляж. Солнечный свет золотил светлые волосы, подчеркивал нежный оттенок кожи. Она никогда не ставила целью прожить жизнь в центре всеобщего внимания, как актриса или модель, но ее красота вполне этого заслуживала. Даже больше, чем вполне, поскольку была естественной, без пластики и фальши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.